

КРАСНЫЙ закат,
Белая горка.
Санки звенят.
Скороговоркой
Топот копыт.
Снег над Невою.
Город летит
Вместе со мною.
Белая шаль,
Сомкнуты руки.
Черный февраль,
Время разлуки.
Белая рать,
Снег на ресницах.
Не удержать.
Не возвратиться.
Белый февраль,
Белая горка,
Снег как миндаль —
Пряный и горький.
Город летит.
Белая вьюга.
Нам не найти
Больше друг друга.
Втоптана в гать
Белая птица.
Не отыскать.

Не возвратиться.
Тусклая сталь
Сломанной сабли.
Белый февраль,
Красные капли.
Брошенный дом.
Тропы на запад.
В памяти гром
Конского храпа.
Белая шаль
Скрылась за горкой.
Белый февраль.
Пряный и горький.

В ЭТОМ ГОРОДЕ старом
стрелки спят на часах,
Чайки крыльями чертят
имена в небесах,
Ветер век коротает —
одинокий звонарь.
Что ни камень — то память,
что ни площадь — алтарь.
В этом городе странном
что ни улица — храм,
Бродят тени устало

по застывшим дворам,
Венценосный Сан Пьетро —
седовласый монах —
Сердце Богу вручает
у зевак на глазах.
В этом городе солнце
освещает погост,
Здесь для грешников — остров,
а для ангелов — мост.
Здесь застыли столетья,
смотрят души с небес.
Что ни площадь — распяты,
что ни улица — крест.

*Джузеппе Гварнери прозвали «дель Джезу»
за то, что он, в отличие от других Гварнери,
сопровождал свою подпись на скрипках
крестом — символом Христа —
и монограммой HIS (Jesus Hominem Salvator)*

ПЛОЩАДЬ ИСПАНИИ. В небо лестница.

Нищий старик у подножья крестится:
Ave, Maria... gratia... Dominus...
А из окошка напротив:
до
ре
ми...

Падают звуки на землю каплями —
Жизнь утекает сквозь пальцы...
ре
ля
ми...

Santa Maria... gratia... Dominus...
В светлой молитве меня
по-
мя-
ни.

Скрипка — судьба и дорога нищего.
В каждом дожде ее голос слышится.
Крест вместо подписи. Голос-колокол.
Мастер Джузеппе... Темно и холодно...

Santa Maria... gratia... Dominus...
Эхом доносится:
до
ми
си...

Нищий старик у подножья крестится
Площадь Испании. В небо лестница...

ПЕТЕРБУРГ. Он проснется
уставшим, немного простуженным,
Примет душ дождевой,
выпьет кофе над черной Невой.
Влезет в старый сюртук
и приколет манишку из кружева.
Он сегодня опять
должен выглядеть как молодой.
Он не любит толпу, суету,
потрясения и почести.
Он пресыщен восторгами, славой
и звоном монет.
Он вздыхает о доброй
еще ненаписанной повести
И грустит, потому что
у времени автора нет.
Он бежит от туристов,
как черт убегает от ладана,
И, замученный ими —
от трещин в асфальте до крыш —
Серой ночью, шатаясь, идет
к золоченому Ангелу
И негромко ему говорит:
«Вижу, тоже не спишь.
Сон не ведом тебе.
Ты стоишь на посту, как и прежде.
Я, конечно же, знаю,
что ангелам спать не дано.
Только не у-хо-ди,
как уходят с годами надежды,
Как уходит тапер
из страны звукового кино».
Закрывая глаза,
Петербург проплывает над лужами
И ложится на площадь,
укрывшись крылом и водой.
Он уснет и проснется
уставшим, немного простуженным,
Примет душ дождевой
и оденется как молодой.

ПО СТЕКЛУ стекало время.
в тишине дорогой млечной
уводил к рассвету вечер
бесприютное тепло.

по стеклу стекало время.
были ангелы беспечны.
жизнь казалась бесконечной...
только треснуло стекло.

Я ХОЧУ ВЕРНУТЬСЯ в тот дом,
где пахнет антоновкой и пирогом.

Чтобы бабушка рядом
и солнечный свет,
и голос ее, дорожке которого нет.

Я хочу вернуться туда,
где потеря варежки — это беда,
где день длится, будто целая жизнь,
где мама руку протягивает: «Держись».

Чтоб от елки пахло
ветром, снегом, смолой,
чтоб до крышки стола
не доставать головой,
чтоб Кощея бояться,
а больше совсем никого...

Тишина.
Город за окнами.
Рождество.

ВОТ КУХНЯ, чашка на столе,
вот чайник, блюдечко с вареньем,
вот проходящие мгновенья
сметает дворник во дворе,

и воробьи, слетясь во двор,
клюют их, словно крошки хлеба,
вот змея запускает в небо
сосед мой — маленький Егор.

парят змеиные хвосты,
спешит прохожий мимо, мимо...
день был такой неповторимый,
и чай давно уже остыл.